

ГОСПОДСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ВАЛАХИИ И МОЛДАВИИ***Виктор Спинея**^{1,2}¹ Университет имени А.И. Кузы в городе Яссы² Институт археологии в городе Яссы

Яссы 700479, Румыния

E-mail: vspin@uaic.ro

Цель: изучить особенности и последствия периода владычества Золотой Орды для Валахии и Молдавии.

Материалы исследования: «Великая монгольская инвазия» 1241–1242 годов произвела особенно серьезное воздействие на румынские регионы, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав золотоордынского государства более чем на столетие. Череда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях. Причем монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. В течение периода, следовавшего за II Мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и таким образом существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований, исчерпывающие изыскания в области истории румын и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Результаты и научная новизна: аналогично всем странам, подверженным нападению монголов, монгольское вторжение в регионы проживания румын причинило крупный демографический, экономический и политический урон. Значительные материальные ценности были уничтожены или разграблены, вызвав нарушения в экономической жизни, особенно в секторе товарообмена. Захват обширных территорий местных жителей воспрепятствовал объединению и консолидации политических образований. С другой стороны монгольское присутствие в регионах Нижнего Подунавья препятствовало расширению господства Венгерского королевства за Карпатским горным хребтом и Болгарского царства на севере от Дуная. Рах Mongolica, внедренный в течение нескольких десятилетий в Нижнем Подунавье, создал условия для активизации торговых путей континентального значения, развития определенных отраслей ремесленного производства и появления нескольких центров урбанного характера. Поэтому, вместо постулатов, навязанных старой историографией, следует признать правомочность идеи, что монгольское господство в румынских регионах имело и позитивные последствия.

---

* Перевод с английского Романа Хаутала.

Ключевые слова: история монгольской империи, Золотая Орда, Трансильвания, Валахия, Молдавия.

Для цитирования: Спиной В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766

«Великая монгольская инвазия» 1241–1242 годов произвела особенно серьезное воздействие на *румынские регионы*¹, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав золотоордынского государства более чем на столетие. Череда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях [93, р. 33–66; 48, р. 101–121; 54, р. 42–67, 79–132; 82, р. 64, 94–97; 100, II, р. 628–656; 91, р. 236–272; 34, р. 243–253]. Причем монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям [103, s. 20–21; 107, o. 66–67, 74–76; 63, р. 63–64, 68–70; 47, р. 410–414; 30, р. 95–104; 112, р. 343–346]. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. Количество этих источников невелико, и их содержание довольно скудно в отношении предоставляемой информации; вследствие чего они только частично отражают демографические и политические реалии Нижнедунайских регионов, поднимая тем самым ряд вопросов. В определенный момент появилась иллюзия того, что информативная составляющая этих источников уже была полностью исчерпана. Тем не менее некоторые убедительные исследования, избежавшие влияния этой пессимистичной точки зрения, выявили те источники, которые либо не были проанализированы к тому времени, либо изучены лишь частично. В течение периода, последовавшего за II Мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и таким образом существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований исчерпывающие изыскания в области истории румын и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Когда монголы начали свою кампанию в Европе, румынский регион переживал длительный переломный период, бывший следствием как того факта, что племена печенегов, узов и куманов поочередно поселились на равнинах на север от Дуная – в Буджаке и Барагане; так и включения Трансильва-

¹ Под румынскими регионами мы имеем ввиду историческую территорию Трансильвании, Валахии и Молдавии.

нии в состав Венгерского королевства в тот же самый период. Грабительские набеги кочевников и их стычки с соседними государствами привнесли нестабильность в эту зону, ослабив тем самым демографический рост, воспрепятствовав экономическому благополучию и замедлив процесс образования сильных государственных образований [101, р. 47–305; 52, р. 32–55]. В этих условиях Карпато-Дунайские земли, с одной стороны, не представлялись привлекательными объектами грабительских нападений азиатских всадников и, с другой стороны, не являлись значительным препятствием для военных действий монгольских войск. Именно по этим причинам эти земли оставались незаметным объектом как для политических властелинов того времени, так и для современных историографических кругов.

Уже до вторжения монголов в Карпато-Дунайские регионы определенные отголоски их военных кампаний в Восточной Европе были засвидетельствованы на большом расстоянии от эпицентра военных столкновений. Так, многие исследователи считают, что просьба, адресованная в 1227 году куманскими группами церковным властям Венгрии, об оказании покровительства в их обращении в христианство, – которая имела вскорости своим следствием создание Куманской епархии в юго-восточной Трансильвании, северо-восточной Валахии (Мунтении) и юго-западной Молдавии; – была обусловлена потрясением, причиненным тюркским племенам в ходе поражения, нанесенного подразделениями Джебе и Субедея на Северном Кавказе в 1222 году и на Калке в 1223 году. Согласно этому предположению, при помощи этой конфессиональной инициативы новообращенные пытались добиться благосклонности и защиты Венгерского королевства, предугадывая повторное нападение монгольских сил [82, р. 66–67; 61, р. 131; 47, р. 406; 67, р. 260; 80, р. 97–98]. Действительно, наступление возобновилось, начавшись в 1236 году, и с гораздо большим размахом. Серьезные поражения, понесенные племенными конфедерациями куманов в Волжском бассейне и понтийско-каспийских степях, принудили их искать убежища на западе, в равнине Паннонии и на Балканском полуострове. Отдельная группа под командованием хана Котяна достигла Венгрии после пересечения северных Карпат через Верецкий перевал – традиционный маршрут миграции из Северного Причерноморья в Паннонию, – отклонившись таким образом от территории Молдавии. С другой стороны, группа, проникшая на юг от Дуная, где она столкнулась с враждебностью болгарского царя, не могла попасть туда без того, чтобы пересечь южную часть Молдавии и восточную часть Валахии.

Монгольская армия продвинулась к территориям, соседствовавшим с теми, которые уже были заселены румынами в 1239 или 1240 году. В 635 году по Хиджре (1237–1238 гг. н.э.) монголы проникли в Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь / степь куманов), и в ходе жестоких боев они нанесли поражение армиям под командованием Котяна, который обратился к королю Беле IV с просьбой принять его в Венгерском королевстве в 1239 году. Также вполне возможно, что войска победителей завладели покинутым ареалом почти ментально, и эта возможность позволяет предположить, что монгольские подразделения могли продвинуться вплоть до устьев Дуная. Согласно вечным законам войны, победители овладевали всеми территориями побежденных в военном столкновении, даже если решающее столкновение происходило в ограниченном пространстве.

Если у нас нет сведений о проникновении монголов на территории нижнего течения Дуная, то их продвижение к северо-восточным пределам территорий, заселенных румынами, напротив, подтверждается синхронными источниками. После захвата Киева 6 декабря 1240 года (некоторые другие фрагментарные сведения, внушающие меньше доверия, указывают на дату 19 ноября) монгольские подразделения проникли на западную сторону Киевского княжества, как и в Галицко-Волынское княжество, где местные предводители, павшие духом и посчитавшие бесполезным любое сопротивление, подчинились монголам. Не позволив себе отдохнуть после длительных военных операций на Руси и в Дешт-и Кипчак, они самым оперативным образом подготовились напасть на Центральную и Восточную Европу, вторжение в которые они запланировали задолго до этого.

На этой стадии кампании Бату, верховный военачальник монголов, уже не располагал теми воинскими ресурсами, на которые он мог рассчитывать в самом начале Великого Западного похода. Естественно, часть его воинов погибла во время столкновений с противником, но, по всей вероятности, личный состав был пополнен путем включения в состав войск подразделений, которые были укомплектованы из подчиненного населения, согласно обычной практике степных всадников. Некоторые же части монгольской армии, принявшие ранее участие в сражениях с русами, куманами и другими народами Восточной Европы, напротив, вернулись в Азию после капитуляции Киева. Поэтому среди действующих военачальников на венгерском и польском театрах военных операций более не встречаются имена некоторых выдающихся членов рода Чингиз-хана, таких как Гуюка, сына Угедея, и Мунке, сына Тулуя, – будущих императоров Монгольской империи. Совершенно очевидно, что они не удалились в одиночестве, но в сопровождении подчиненных им войск. Верховное руководство империи вероятно посчитало, что наиболее важные цели кампании были достигнуты, то есть завоевание равнинной зоны на север от Каспийского моря, Кавказских гор и Черного моря, включая установление господства над русами и другими народами Восточной Европы. Но, хотя продолжение экспансии по направлению к Центральной и Восточной Европе играло менее важную роль в завоевательных планах монголов, это военное предприятие не оказалось, ни в коем случае, недооцененным.

Экспедиционный корпус во главе с Бату был укомплектован с учетом высокого военного потенциала государств Центральной и Восточной Европы, среди которых выделялось королевство Арпадов, воспринимавшееся в качестве грозного противника. Еще до начала столкновений с княжествами Руси завоевание Венгерского королевства входило в приоритетные стратегические планы монголов. Знаменательным в этом отношении является свидетельство доминиканца Юлиана, отправленного в миссию в Восточную Европу во время вторжения на Русь армий хана Бату: «уже давно известным фактом было то, что князь Суздали передал через меня на словах королю венгров, что татары днем и ночью совещались, как разбить и захватить королевство христианских венгров» (*Fertur a pluribus re certa et dux de Su[z]dal mandavit per me regi Hungariorum viva voce quod nocte dieque consilium habent Tartari, qualiter vincant et obtineant regnum Hungariorum christianorum*) [51, p. 38, 42; 38, s. 177–178]. Более того, монголы, видимо, также предусматривали вторжение в Германию (*Alemania*) [49, p. 25, 29, 33; 39, s. 158]. В целях

подготовки военных операций, зимой 1240–1241 года монгольские войска сконцентрировались на западных территориях Галицко-Волынского княжества и, вероятно, на северной половине Молдавии. Для того чтобы помешать возникновению предположений о готовящемся вторжении в Венгрию, между местом их дислокации и границами королевства была сохранена нетронутой грабежами территория, которую можно было пересечь за 4–5 дней [89, р. 32, 71; 90, р. 164–165]; и ее протяженность, по всей видимости, равнялась 150–200 км. Протекция этой буферной зоны также служила цели обеспечения продовольственных ресурсов для воинов и подножного корма для животных на начальном этапе нападения. Для поддержания материального обеспечения войск, подчиненные общины были обязаны предоставлять продовольствие армиям, ведущим военные действия. Такие обязанности были засвидетельствованы за Болоховскими жителями, чьи земли располагались в среднем течении Южного Буга. В 1241 году они получили приказ отдать монголам пшеницу и просо [12, стб. 792]. Вполне вероятно, что и другие общины русов и румын могли быть принуждены предоставлять подобные продукты, несмотря на отсутствие упоминания этого факта в синхронных летописях. В праздник Рождества 1240 года в Венгрии распространились известия о том, что монголы начали грабить территории рядом с границей Руси: «circa natiuitatem Domini fama fuit, quod confinia Hungarie Ruscie contigua [continua], Tartari deuastabant» [89, р. 29, 68; 90, р. 156–157].

Зимой 1240–1241 года монгольские армии собрались рядом с северо-восточными склонами восточных Карпат и начали общее наступление по направлению к западным регионам в марте 1241 года. Польша и Венгрия были атакованы одновременно несколькими подразделениями: такая тактика препятствовала предоставлению помощи тем, кто был подвержен нападению, и, с другой стороны, облегчала обеспечение продовольствием нападавших. Главное крыло монгольских войск, двинувшееся по направлению к Венгерскому королевству под командованием Бату, форсировало северные Карпаты через так называемые «ворота Руси» (ad dictam portam Ruscie) [89, р. 32, 71; 90, р. 164–165]; термин, которым было принято называть Верецкий перевал (совр. Нижние Верецки). Укрепленные поселения к северу от Буковины, которые, согласно археологическим изысканиям, предпринятым после II Мировой войны, прекратили свое существование в середине XIII века; были, по всей вероятности, уничтожены войсками в подчинении Бату в то время, когда они направлялись в сторону границ Венгрии [22, с. 89 и сл.; 5, с. 266–270, 275].

Одна из самых мощных армий – несомненно, вторая по значению среди монгольских сил во главе с Каданом, сыном Великого хана Угедея – двинулась на запад по дороге, пролежавшей «между Русью и Куманией», то есть через северную часть Молдавии. За три дня Кадан пересек всю лесную область Восточных Карпат, прежде чем достигнуть в марте 1241 года восточной стороны Трансильвании в долине Сомешул-Маре. Первыми противниками, которые попытались помешать его продвижению, были саксонские общины Родны, поселенные там венгерскими королями для развития горного промысла. Удостоверившись в их непреклонной решимости защищаться и стремясь избежать возможных потерь, Кадан имитировал отступление; и жители Родны, незнакомые с тактическими уловками кочевников, оказались настолько наивными, что поверили, что их военная инициатива могла бы испугать

монголов. При внезапном возвращении монголов, саксонцы оказались совершенно неподготовленными, и таким образом они были легко разбиты. Шесть сотен из тех, кому была сохранена жизнь, были принуждены следовать во главе с «комесом Аристалдом» за Каданом, когда он пересекал Трансильванию по пути своего следования в сторону Венгрии [89, р. 33, 72; 90, р. 164–167]. Эпизод, имевший место в Родне, иллюстрирует методы, при помощи которых монголы пополняли свои армии во время военных кампаний. Явные упоминания таких случаев встречаются очень редко, в особенности в отношении европейского театра военных действий; что, однако, не означает, что подобная практика не была распространенной. Без таких пополнений в рядах воинов их экспансионистская энергия резко бы ослабла на протяжении длинных кампаний; в особенности принимая во внимание то, что демографический потенциал исконных тюрко-монгольских областей никогда не был достаточным. Кадан подошел к Ораде в сопровождении 600 саксонцев и вошел в город без особых препятствий, но он встретил более стойкое сопротивление при осаде крепости, которую удалось взять только после разрушения ее стены при помощи семи камнеметных машин. Наказание сопротивлявшихся было чрезвычайно жестоким, включая убийство не только граждан, но и церковных служителей и женщин, вместе с одновременным разорением, профанацией и поджогом кафедрала и других церквей [89, р. 45–46, 85–86; 90, р. 198–201]. Среди других наиболее важных городов центральной Трансильвании, завоеванных монголами, заслуживает упоминания Клуж [46, р. 65], который, вероятно, также стал жертвой экспедиционного корпуса во главе с Каданом во время его передвижения из Родны в Орада.

Одно войсковое объединение, название которого не уточняется в письменных источниках, продвинулось из центральной Молдавии по направлению к Трансильвании через долину Бистрицы, на что указывают археологические раскопки, предпринятые в укрепленном поселении Пятра-Нямц – Батца Доамнеи, датируемом концом XII и первой половиной XIII века. В ходе археологических изысканий внутри него было идентифицировано большое количество оружия, орудий труда, предметов одежды и металлической амуниции [95, р. 441–454]; что указывает на внезапный уход его жителей из-за появления большой опасности, несомненно, вызванной вторжением монголов. Продвинувшись на северо-запад, вдоль реки Бистрица, это подразделение могло соединиться с войсками под командованием Кадана.

Другое крыло монголов действовало на юге Молдавии, где, после форсирования реки Сирет, оно проникло в «страну Куманского епископа», разбив войска, посланные ему навстречу. Мы не знаем, двинулось ли это крыло из Галиции и северной Молдавии, или же оно пришло прямо из Дешт-и Кипчака. Этим крылом командовал некий Бочетор [89, р. 33, 72; 90, р. 166–167], чье имя было передано в деформированном виде Рогерием из Торре Маджоре, описывавшим эти события. Также возможно, что под этим именем понимался Бучек, сын Толуя, или Беркечар, сын Джучи и брат Бату. После уничтожения Куманской епархии монголы двинулись в Трансильванию через Ойтузский перевал, бывший наиболее простым путем проникновения из Молдавии в земли внутри Карпатской дуги. Согласно Птолемию из Лукки (1236? – 1326/1327) и другим итальянским хронистам, защита горного перевала была возложена на румын и секеев (*Ollaci et Siculi*), но они не смогли

остановить продвижение захватчиков [104, р. 539; 99, р. 7–15; 102, р. 23–38, 119–134]. Также не добились желанного успеха и военные силы во главе с воеводой Трансильвании, попытавшиеся оказать сопротивление монголам в земле Бырса (Цара-Бырсей). Монголы продолжили свое продвижение на запад по долине реки Олт, разграбив цистерцианский монастырь Керца. Кампания в южной Трансильвании привела, среди прочего, к завоеванию городов Сибиу и Альба Юлия [46, р. 65].

Король Бела IV сообщал в своем письме, адресованном папе Иннокентию IV 11 ноября 1250 года, что во время проведения кампании против Венгрии армия монголов пересекла регион, расположенный «на границе с куманами за Дунаем и с болгарями» (*in confinio Cumanorum ultra Danubium et Bulgarogum*) [57, р. 261, где письмо ошибочно датируется 1254 годом]. Данное утверждение может указывать на то, что и территория Валахии также оказалась подвержена нападению. Вполне возможно, что, как и при охвате восточной части Венгерского королевства, в рамках стратегической системы координат этого вторжения монголы могли начать нападение как через перевал Турну Рошу по направлению к трансильванской долине Олта, так и через дунайские ущелья (*Clisura Dunării, Banatska Klisura*) по направлению к Банату.

Военное столкновение между монголами и румынами косвенно упоминается знаменитым персидским летописцем Рашид ад-дином, имевшим доступ к богатой документации при дворе ильханов. Румыны обозначаются двумя различными этнонимами – Улаг и Кара-Улаг (Черные румыны), – отображая, тем самым, тот факт, что они занимали отдельные территории и не имели идентичного политического статуса. Против них действовало подразделение во главе с Бучеком, которое, «пройдя по дороге Черных румын через горы и спустившись туда, захватило народ румын»; и позже выиграло еще одно сражение с неким Мишлавом [86, р. 70; см. также: 87, II, р. 332], бывшим, вероятно, местным вождем. Кара-Улаг (Черные румыны) могли жить за пределами Карпатской дуги; тогда как также возможно, что Улаг (румыны), упомянутые в тексте Рашид ад-дина, могли быть родом из Валахии или Трансильвании. Инвазия на территории румын (*Blacsi*) также упоминается в послании флорентинца Рикколдо да Монте Кроче (ок. 1243–1320) [88, р. 106–107]. Кроме того, другой автор родом из Тосканы, Джованни Виллани (ок. 1275–1348), пишет в своей хронике о завоевании Валахии (*Bracchia*) монголами [109, р. 71; 110, р. 255–256].

Спеша достичь Паннонской равнины как можно быстрее для того, чтобы соединиться с основной частью войск во главе с Бату, ожидавшего энергичный отпор со стороны короля Бела IV, подразделения во главе с Каданом, Бури, Бучеком и другими чингизидскими военачальниками не имели достаточно времени для осуществления обширных разрушений и грабежа. Тем не менее, при получении сигнала об отступлении после прибытия сообщения о смерти Великого хана Угедея, монгольские отряды предались захвату рабов и разбою. У нас нет сведений о пути возвращения главной части армии во главе с Бату, но можно предположить, что он предпочел вернуться через тот же Верецкий перевал. Многочисленные подразделения монголов вернулись в свои родные земли, пройдя через Трансильванию, которой они причинили значительный урон. Поскольку монголы не оставили оккупационных войск в этом регионе, который они пересекли в 1241 году, местные трансильванцы

воспользовались этим для того, чтобы укрепить крепости в этой зоне. К несчастью для них, эти крепости не были достаточно оснащены для того, чтобы выдержать атаки монголов [89, р. 55–56; 90, р. 220–225]. Другая группа монголов во главе с Каданом провела зиму 1241–1242 года рядом с побережьем Далмации и направилась в сторону евразийских территорий через северные регионы Болгарского царства. Путь, по которому следовали монголы, отмечен следами разрушений, выявленных в отдельных крепостях, как и в монетных кладах в Добрудже, спрятанных местными жителями от врагов [78, р. 97–98; 1, с. 4–9].

Великий Западный поход монголов 1236–1242 годов был, вероятно, самой молниеносной военной кампанией за все Средневековье, вызвавшей серию длительных этно-демографических, экономических, политических, культурных и конфессиональных последствий в судьбе народов западной части Евразии. Последствия военных столкновений были не везде однородными. По нашему мнению, среди стран, которые подверглись инвазии, можно выделить три главные обособленные категории. В определенных странах – в Польше, Моравии, Венгрии – в течение кампании имели место убийства, разрушения и грабеж; но монголы не навязали им впоследствии каких-либо принудительных обязанностей. Некоторые другие страны – Русь, Дунайская Болгария и Сербия – претерпели те же бедствия и были подчинены разорительным данническим требованиям на долгое время. Третья категория регионов – Волжская Булгария, Кумания, Северо-Кавказская область и Крым – потеряли свою политическую автономию, будучи оккупированными непосредственно монголами и напрямую подчиненными их управлению. Предложенная классификация не оставалась неизменной, и определенные категории подвергались изменениям с течением времени.

В общих чертах, все три категории встречаются также и в зоне, заселенной румынами, состав которой в значительной степени находился в зависимости от прежних политических объединений. Так, Трансильвания, где процентное соотношение румын в демографическом составе было значительным, осталась внутри границ Венгерского королевства, будучи защищенной на востоке от нападений соседей Карпатской цепью и также крепостями, возведенными властями рядом с наиболее доступными перевалами. В регионах за пределами Карпатской дуги не было столь грандиозных ландшафтных барьеров; однако несмотря на это, монголы не захотели аннексировать их полностью, но только частично. Предсказуемым образом они завладели территориями, принадлежавшими ранее куманам, прежним обладателям понтийско-каспийских равнин. Наподобие других тюркских степных племен кочевников – печенегов и узов, – куманы располагали свои зимние стоянки в равнинной полосе на север от Нижнего Дуная и в зоне приморских озер между устьями Дуная и Днестра, то есть в Буджаке и Барагане, откуда они отправлялись на север со своими семьями и стадами во время теплых периодов. В поисках равнин, благоприятных для их отар и стад, они следовали течению главных рек с целью продвинуться в сторону северных частей Молдавии и Валахии. Обычно они избегали холмистых земель с густыми лесами, и поэтому они не продвинулись в зону Прикарпатья западнее течения реки Сирет в Молдавии и Олт в Валахии. Заселение тюркскими кочевниками Буджака и Барагана вынудило местное земледельческое население мигрировать на се-

верные и западные территории, лучше защищенные от грабительских набегов [97, р. 84–104; 101, р. 307–360; 85, р. 89–93, 139–145, 230–232]. Эти территории остались за пределами владений Золотой Орды, но они не смогли избежать статуса данников мощного государства, созданного на западе от Сибири и в южной части Восточной Европы.

Трудно точно определить контур территорий, оккупированных непосредственно монгольскими общностями и подчиненными им тюркскими группами. Несколько более точные данные предоставили археологические изыскания, предпринятые в последние десятилетия, уделяя первоочередное внимание керамическим и монетным находкам. В этой связи мы имеем в виду красновато-желтоватые образцы керамики, изготовленные ремесленниками восточных городских центров Золотой Орды, перенявшими более ранние технологические традиции. Уникальное качество этой керамики определило ее высокий спрос и широкое распространение во многих европейских регионах Золотой Орды, часто вытесняющее другие типы керамической продукции. Ее находки в поселениях в Молдавии и Добрудже указывают на то, что эти поселки находились внутри сферы экономического влияния центров красновато-желтоватого гончарного производства, пользовавшегося протекцией властей.

Именно эти центры обеспечивали продажу произведенной продукции, в основном в зоне, контролируемой монгольской администрацией, и в гораздо более ограниченной степени за пределами этой зоны, где красновато-желтоватая керамическая посуда выявлена наряду с гончарной продукцией, произведенной местными ремесленниками. Картография поселений, где преобладала красновато-желтоватая гончарная продукция, показывает, что зона ее распространения не простиралась западнее течения реки Сирет. Между Сиретом и Прутом артефакты этой керамики были найдены до настоящего времени только в южной половине этого междуречья, тогда как в междуречье Прута и Днестра границы ее распространения простираются на север, покрывая примерно две трети пространства Бессарабии [21]. Отдельные черепки красновато-желтоватой керамики были выявлены в слоях, датированных серединой XIV века, в Байе, Миховене, Сучаве (жудец Сучавы) и т.д.; но ее процентное соотношение является незначительным в составе гончарной продукции, найденной в ходе произведенных археологических раскопок [37, р. 243–253]. По этой причине находки, сделанные на северо-западе Молдавии, имеют значение, отличающееся от находок, которые упоминались выше. По имеющейся информации, образцы красновато-желтоватой керамики не были найдены в восточной части Валахии, по крайней мере, до настоящего времени. Они были выявлены, напротив, в Добрудже [96, р. 231–238].

Различные монеты, чеканенные ханами Золотой Орды, были найдены в южной Молдавии [18, с. 135, 138–140, 143–144, 146–150; 19, с. 96–113] и в Добрудже [78, р. 115–124]. Эти находки подтверждают идею, что зона распространения красновато-желтоватой гончарной продукции на запад от Днестра определяет территории, находившиеся под монгольским управлением. Следует упомянуть, что согласно настоящему состоянию исследований, производство и использование образцов этой керамики в Молдавии и Добрудже засвидетельствовано только начиная с XIV века. Что касается предыдущего периода, у нас нет данных, касающихся пределов непосредственных владений

Золотой Орды в регионах на запад от Днестра. Тем не менее можно предположить, что в общих чертах зона монгольского владычества во второй половине XIII столетия была той же, что и в первой половине следующего века.

Участие монгольского этнического элемента в завоевании и управлении регионами Нижнего Подунавья и нижнего бассейна Днестра не отражается должным образом в доступных источниках. Как известно, ограниченные демографические возможности монголов позволили им предпринять только поверхностную колонизацию громадных территорий, которые они завоевали в Евразии. Только ханы оставили за собой исключительное право гегемонов, то есть они строго надзирали за стабильностью в своих доменах, которые они завоевали путем военного принуждения, и с выгодой для себя извлекали прибыль путем получения дани, наложенной на местные сообщества. Для повышения эффективности управления они прибегали к широкому использованию сотрудничества с различными представителями поработанных народов, обладавшими опытом в решении административных проблем, а также имевшими навыки в ремеслах или коммерческой деятельности. В свое время подчинившиеся завоевателям и лишённые военной силы во избежание восстаний или требований автономии, народы, включённые в состав Монгольской империи, воспользовались предоставлением определенного покровительства их собственным нормам повседневной жизни в духе предписаний, определяемых как *рах Mongolica*, которые предполагали безоговорочное признание верховенства Чингизидов.

Среди племен, вынужденных признать свой вассальный статус, были и куманы. Они твердо и непоколебимо встали против захватчиков и впоследствии заплатили за свое упорство десятками тысяч жизней. Несмотря на массовую гибель, как и массивное переселение в другие географические долготы, число переживших катаклизм инвазии оставалось значительным; так что на протяжении последующих десятилетий длительное совместное обитание монголов с куманами и другими тюркскими группами в Западной Азии и Восточной Европе привело к лингвистической ассимиляции монголов [10, с. 65–67; 13, с. 242–244]. В ходе этого процесса группа, обладавшая политическим верховенством, потеряла свою этническую идентичность и оказалась поглощённой тюркскими общностями, находившимися в подчинении, но преобладавшими численно. Эта ситуация могла бы показаться неправдоподобной, если бы она не была повторением того, что случилось с болгарами и южными славянами, русами/скандинавами и восточными славянами, франкофонными норманнами и англосаксами, лангобардами и итальянцами и т.д. Сохранение куманов и, возможно, других тюркских групп на территории Золотой Орды было засвидетельствовано не только в понтийско-каспийских степях, но также и в юго-восточной Молдавии. Археологические исследования содержания курганов привели к идентификации нескольких могил, характерных для тюркских кочевников и датируемых второй половиной XIII века и первой половиной XIV столетия [8, с. 28–39; 9, с. 65–79]. Сложно установить, принадлежали ли они тюркским сообществам, жившим в этой зоне еще до прибытия монголов, или же они принадлежали кочевникам, которые переселились из Дешт-и Кипчак по велению ханов на место тех кочевников, которые мигрировали в Паннонию и на Балканы. Предположение, согласно которому курганы кочевников, которые были найдены на обоих берегах нижнего течения Днестра, принадлежали анк-

лавам Черных клобуков, перемещенных из бассейна реки Рос [8, р. 32, 39], не кажется вполне убедительным.

Действительное завоевание равнин Молдавии и Валахии имело место либо одновременно с осуществлением кампании 1241–1242 годов, или же непосредственно по ее завершению. Существует несколько образцов синхронных письменных свидетельств, указывающих на установление монгольского владычества в Нижнем Подунавье в течение первых десятилетий после великой инвазии. Статус этого региона отображается, среди прочего, в упомянутом выше письме Белы IV от 11 ноября 1250 года, где говорится, что такие регионы как Руския, Кумания, Бродник и Болгария, ранее «по большей части ... подчиненные» (*in magna parte ... subiacebant*) Венгерскому королевству, недавно стали владениями монголов [57, р. 260]. В понимании канцелярской службы Арпадов под Куманией и Бродник имелись в виду округа, располагавшиеся на восток от королевства и соответствовавшие территории Молдавии. Наглядное представление о протяженности владений Золотой Орды предоставляет сообщение, содержащееся в отчете Гийома де Рубрук о его путешествии в Монгольскую империю в 1253–1255 годах. Согласно фламандскому францисканцу, «от устья Танаиса [Дона] на запад, вплоть до Дуная, все принадлежит им [татарам], и даже за Дунаем в сторону Константинополя; Блакия, которая является страной Ассана, и малая Болгария вплоть до Склавонии, все платят им дань» (*Ab orificio Tanais versus occidentem usque ad Danubium totum est eorum, etiam ultra Danubium versus Constantinopolim, Blakia que est terra Assani et minor Bulgaria usque in Sclavoniam omnes salvunt eis tributum*) [92, р. 167–168]. Поскольку Балканские государства согласились платить дань монголам, само собой разумеется, что румыны, проживавшие на север от Дуная, не могли избежать этой обязанности. И действительно, посланец короля Франции ко двору Великого хана упоминает, что послы румын (*Blaci*) принесли дары хану Золотой Орды вместе с представителями других европейских народов [92, р. 209].

Включение румынских регионов в состав империи Орды также свидетельствуется несколькими мусульманскими источниками. Среди этих работ заслуживает упоминания энциклопедическое сочинение ан-Нувеири (1279–1333), средневекового автора из мамлюкского Египта. Он приписывает грандиозное наступление старшему сыну Чингизхана, хану Джучи, который, по его утверждению, «разгромил тюркские племена кипчакского народа и другие народности; как то: алан, асов, влахов, черкесов, руссов и других обитателей Северных стран». В дальнейшем все эти народы, подчиненные ранее Джучи, стали управляться ханом Бату, Сартаком и сыновьями и братьями Бату [27, с. 149, прим. 1]. Вероятно, он был введен в заблуждение тем фактом, что территории под властью хана Бату обозначались в восточном мире под названием «улуса Джучи». С другой стороны, перечисление народов, подчиненных господству хана, является совершенно верным; что вовсе не представляется удивительным, принимая во внимание устойчивые и дружественные контакты между Мамлюкским государством и Золотой Ордой, способствовавшие передаче в Египет точной информации о политических и демографических реалиях в понтийско-каспийском пространстве. Ал-Айни (1361–1451), еще один летописец Мамлюкского султаната, заимствовавший сведения из сочинений своих предшественников, перечислял среди монголь-

ских завоеваний те же народы, которые упоминал ан-Нувейри; но указывал – на этот раз правильно – на хана Бату и его родственников как на руководителей военных операций [25, р. 503]. Имея в своем распоряжении другие источники информации, нежели его соотечественники из султаната Мамлюков, Ахмад ал-Калкашанди (1355/1356–1418) причислял к владениям монголов «Хорезм, Дешт-и Кипчак, земли хазарские, крымских татар, азакские, черкесские, болгарские, влахские, аские и русские» [26, с. 404, прим. 3].

Монгольские войска неоднократно использовали Молдавию в качестве транзитной территории во время их многочисленных кампаний против соседних регионов. Среди них большую известность приобрели кампании, организованные Ногаем, одним из наиболее амбициозных и энергичных полководцев Золотой Орды. Помимо участия в военных действиях против русских княжеств и Ильханата Персии, он чрезвычайно амбициозно вмешался в династические и межгосударственные распри на Балканах, возобновившиеся после отвоевания Константинополя Византией. В 1265 году он предпринял карательную экспедицию во Фракию по просьбе болгарского царя и сельджукского султана Изз ад-Дина Кайкавуса, находившихся во враждебных отношениях с императором Михаилом VIII Палеологом [27, с. 154; 81, I, р. 229–240; 56, I, р. 99–101]. Вражда Золотой Орды с Византией была также следствием того, что последняя поддерживала дружественные отношения с Ильханатом Персии, заклятым врагом ханов Сарая. Для того чтобы расторгнуть военный союз монголов с болгарскими царями, Константинополь прибег к дипломатии для достижения благосклонности Ногаю. С этой целью Ногаю была предложена в жены одна из внебрачных дочерей Михаила VIII Палеолога [81, I, р. 231, 265; 56, I, р. 149]. Для повышения эффективности своих военных операций в северной части Балкан, Ногай основал одну из своих резиденций в Добрудже, в Исакче, где располагалась наиболее удобная переправа в дельте Дуная; что в свою очередь способствовало установлению более прочной связи между Бессарабией и Добруджей. Благополучные отношения между Византией и монголами резко ухудшились после смерти Михаила VIII; вследствие чего, в первые годы правления Андроника II (1281–1328), армия «скифов Паристрии» – архаичное наименование, несомненно, обозначавшее монголов, – проникла в восточную Фракию, но была разбита рядом с Месемврией [81, II, р. 80–81].

Несколько лет спустя, точнее в 1285 году, правитель Орды предпринял новую значительную инвазию в страны Центрально-Восточной Европы. Командование операциями в Венгерском королевстве было поручено Тула-Буге, племяннику хана Туда-Менгу, и Ногаю [58, р. 221–223; 94, р. 271–282]. Тула-Буга, вероятно, направил свои войска по направлению к Верецкому перевалу, в то время как Ногай намеревался пересечь Ойтузский перевал для нападения на Брашов (Нога[и] поиде на Брашевь) [12, стб. 890]. Выбрав этот маршрут, он, несомненно, должен был пересечь южную часть Молдавии. Как и в 1241–1242 годах, охрана горных перевалов, ведущих в Трансильванию, была поручена секеям и румынам, к которым, в зависимости от обстоятельств, могли присоединиться саксонцы. У карпатских перевалов были возведены массивные засеки (лат. *indagines*, рум. *prisăci*, венг. *gyepű*) для предотвращения вражеских набегов с востока: “*Tartari [...] venientes fere a VII Castris [Семиградье = Трансильвания]. A VII Castris incipiendo fere [?] usque ad Danubium totam terram devastarunt. [...] Nunc autem ipsi Tartari presidio fuge manus evadere*

cupientes Vngarorum, usque ad VII Castra pervenerunt, sed Siculi, Olachi et Saxones omnes vias ipsorum [Tartarorum] cum indagibus stipaverunt sive giraverunt et sic de vita ipsorum omnino sunt de necessitate cogente ibidem castra eorum sunt metati” [70, II, p. 419–420; 45, p. 263–264]. Ряд укреплений с каменными стенами и твердые ответные действия местных военных сил в совокупности с недостаточной организацией взаимодействия среди монголов привели к большим потерям среди нападавших [94, p. 277–280].

В последние десятилетия XIII века Ногай усилил свое положение в северо-восточной зоне Причерноморья и в Нижнем Подунавье. Не случайно Рашид ад-дин писал в своей летописи, что он распространил свое владычество на территории «орусов (русов), улагов/улаков (румын), и кхрт/кхрб (не идентифицированный народ), которых он завоевал и установил там свой юрт». Эти события имели место во время правления хана Тула-Буги (1287–1290) [86, p. 125; 87, II, p. 363]. Персидский летописец, конечно, ошибался, приписывая Ногаю подчинение русов и румын, в действительности, произошедшее за полстолетия до этого, в правление хана Бату; но он был прав в своей оценке по достоинству того факта, что Ногай усилил свое влияние над ними. Амбиции Ногая были настолько честолюбивыми, что он не преминул покуситься на политические прерогативы легитимных ханов Сарая, узурпировав гегемонию в западной части Золотой Орды, признанную таковой также за ее пределами. Существенным действием для его претензий была эмиссия определенных типов монет в Исакче (Сакчи) с его личными геральдическими символами [77, p. 291–304; 78, p. 93–128; 69, p. 3–9; 24, с. 129–145]. Эти действия привели к закономерной конфронтации с ханом Токтой, занявшим трон Сарая в 1291 году. Первые конфликты между ними закончились победой Ногая, но решающее столкновение имело место в 699 год Хиджры (= 28.09.1299 – 15.09.1300) [2, с. 114; 27, с. 159; 87, II, p. 364–365], вероятно, рядом с Днестром, где Ногай понес поражение, потеряв жизнь на поле сражения. Несмотря на этот успех, хан Сарая оказался неспособен оперативно восстановить свою власть в регионе Нижнего Подунавья, где прежние сторонники Ногая смогли удержать прочные позиции. Проявив недостаток политического реализма, его сыновья вступили в непримиримую борьбу за власть в «странах русов и влахов» и в «стране алан» [2, с. 115–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384]; вместо того, чтобы объединить и мобилизовать свои силы в борьбе с их сокровниками, угрожавшими им с Востока. Эти «страны», указанные мусульманскими источниками, вероятно, располагались на восток от Восточных Карпат. Если бы «страна влахов» была упомянута по отдельности, то было бы приемлемо идентифицировать ее с Балканской Блакией, то есть Вторым Болгарским царством; но близость со «страной русов» указывает на ее расположение в Молдавии. В результате серьезной конфронтации со своими братьями, Джеке (Чака), старшему сыну Ногая, удалось утвердить свою власть в землях по обоим берегам Дуная рядом с его устьем. Как и Ногай, Джека чеканил свои собственные монеты в своей резиденции в Исакче в 700 году Хиджры (= 16.09.1300 – 7.08.1301) [77, p. 296–298; 78, p. 133–135; 73, p. 139–143] для подтверждения своих претензий на владычество. Для усиления своей власти в регионе он женился на принцессе из семьи болгарского царя, но этот стратегический ход оказался неэффективным. Получив предложение вмешаться в борьбу за власть между потомками Ногая, хан Токта на-

правил против Джеки армию во главе со своим братом, Бурлуком [2, с. 116–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384]. Джека, не способный оказать какое-либо сопротивление, нашел убежище, согласно восточным хроникам, в «стране влахов»; выражение, обозначающее, в данном случае Второе Болгарское царство. Прагматично оценив изменившуюся ситуацию в ходе борьбы между обоими монгольскими лагерями, царь Феодор Светослав пренебрег родственной связью и арестовал и казнил Джеку [81, II, р. 264–265; 2, с. 117; 27, с. 161; 11, с. 384]. После того как Токта восстановил свою власть над западными территориями государства, он поручил местное управление своему сыну, Тукал-Буке, расположившему свою ставку в Исакче [2, с. 117; 27, с. 161].

Предположение, что он мог бы уступить атрибуты власти в Нижнем Подунавье болгарскому царю, не находит подтверждения ни документально, ни логически. Огромные военные усилия центрального правительства Орды вернуть важные стратегические и экономические пункты были бы совершенно нелогичны, если бы его намерением было передать их болгарам, которые были данниками монголов. Для подтверждения указанного выше утверждения было приведено несколько свидетельств [40, р. 104–119; 108, р. 122, 161–162; 1, с. 18–23], большая часть из которых является нерелевантной [см. аргументы, представленные в: 62, р. 699–716]. Однако среди них нельзя оставить без внимания один документ, составленный в Генуе 22 марта 1316 года и провозглашавший запрещение вступать в контакт с болгарами вследствие отказа последних предоставить компенсацию ущерба, причиненного генуэзцам в «странах», подчиненных Фидекскавусу (= Феодору Светославу), «как в Маврокастро (= Cetatea Albă), так и в других местах» (*in terris subditis dicto domino imperatori tam in Mauocastro quam alibi*) [60, col. 382]. Как указывает письмо, написанное в Каффе, за два года до этого, в 1314 году францисканский брат Анджеоло да Сполето принял мученичество от болгар в этом же городе (Mauro Castro) [72, р. 106]. Из этого текста может следовать, что в особом поселении в этом порту существовала болгарская община, что кажется вполне правдоподобным.

С другой стороны, предположению о применении болгарским царем своей политической власти в устье Днестра противоречат многочисленные источники, показывающие, что монголы сохраняли свое господство в зоне Нижнего Подунавья в течение нескольких десятилетий. Так, эмир Рукн ад-дин Бейбарс аль-Мансури (ум. в 1325 г.), придворный хронист мамлюкских султанов, уточняет, что после подавления Джеки «Северные области (так называлась Золотая Орда на Ближнем Востоке) перешли вполне к царю Токте» [2, с. 117]; что также подтверждается и сирийским автором Абу'л Фидой (1273–1331), указывавшим, что «царство Ногай было оставлено Токте» [29, р. 39], и что практически указывает на то, что в ханстве произошло простое замещение на уровне верховного правящего класса. Более того, монетный двор Исакчи продолжил функционировать даже после подавления Джеки, заменив на абверсе татарских монет тамгу Ногай тамгой дома хана Бату [77, р. 298–299; 20, с. 41–44; 16, с. 371–372]. В середине XIV века коптский хронист Муффалал ибн Абил Фада'ил отмечал следующее о событиях, произошедших в 706 год Хиджры (= 13.07.1306 – 2.07.1307): «от Железных Ворот до страны кипчаков, Судака, Хорезма и границ империи Константинополя верховная власть принадлежит царю Токте» [71, III, р. 127–128]. Принимая во

внимание тесные связи, установленные между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом, Египта и Сирии могли достигать весьма точные сведения обо всех военных и административных реалиях понтийско-каспийского и дунайского регионов. В двух следующих подразделах своего сочинения, соответствующих 720 (= 1320–1321) и 724 годам Хиджры (= 1323–1324), Муффадал ибн Абил Фада'ил определял территории, находившиеся в подчинении преемников Токты: «от Железных Ворот (Bab al-Hadid) [отождествляемых с перевалом в горах Байсунтау в Мавераннахре] до Хорезма и Судака, и от Булгара до границ [империи] Константинополя правит султан Юзбак [Узбек]» [66, s. 65, 91]. Это утверждение было вставлено с несколькими изменениями в описание событий 737 (= 1336–1337) и 741 годов Хиджры (= 1340–1341): «от Железных Ворот до [страны] руссов и [страны] кипчаков, и от Хорезма и Судака до границ [империи] Константинополя простиралась империя царя Бараки [Берке], где правил султан Юзбак [Узбек]» [66, s. 178, 233–234]. Как можно заметить, этот автор не знал о существовании Второго Болгарского царства, поскольку, по всей видимости, доступные источники не давали понять, что это государство пользовалось автономным статусом. И действительно, в своем описании Восточной Европы 1308 года анонимный автор, видимо бывший французским католическим прелатом, уточнял, что Болгария на тот момент выплачивала дань татарам (*nunc [Bulgaria] seruit tartaris sub tributo*) [35, p. 40].

Сохранение атрибутов политической власти монголов в южной Молдавии и северной Добрудже засвидетельствовано несколькими картографическими источниками. Так, на карте, сделанной в 1320 году Пьетро Весконтe из Генуи (подпись на карте – *Petrus Vesconte de Jenua*), на месте Маврокастро находится флаг с тамгой [7, карт. LIV], наиболее известным геральдическим знаком монголов. Идентичный флаг также присутствует на морской карте, приложенной к хронике венецианца Марино Санудо Старшего, предположительно созданной его соотечественником Пьетро Весконтe около 1320/1321 года [76, p. 33, pl. 13; 32, p. 17–19; 7, карт. LV]. Аналогичные элементы находятся на карте Перрино Весконтe 1327 года [76, pl. VII, 1]. Несколько лет спустя на портолане Ангелино Дулцера 1339 года на месте Маврокастро располагается изображение полумесяца и тамги. Вполне возможно, что прибавление полумесяца – символа ислама – было следствием официального принятия мусульманской религии в Золотой Орде в течение правления хана Узбека (1313–1342). Изображение флага с полумесяцем и тамгой также присутствует на портовом городе Вичина в Добрудже [76, p. 58, pl. IX]. Два важных города – Вичина и Маврокастро – упоминаются в списке францисканских местопребываний, основанных около 1320 года и включенных в состав викарита Северной Тартарии [53, II, p. 72, 266–267; 111, p. 256], созданного, как указывает на это его название, на территориях, подчиненных Золотой Орде. В этот же период и, точнее, в 1318 году одна булла папы Иоанна XXII уточняла, что к канонической юрисдикции епископа Каффы относились «земли тартар», которые простирались от города Вария [= Варна] в Болгарии до Сарая и от берегов Понтийского моря [= Черное море] до страны рутенов [= Русь] [31, p. 12–14]. Поскольку зоны конфессиональных образований в Средневековье очерчивались государственными границами, очевидным является то, что юрисдикция этой епархии с резиденцией в Крыму была при-

менима внутри территорий, контролируемых монголами. «Скифы Паристрии», то есть монголы Паристрона, подвергшие опасности около 1320/1321 года европейские границы Византийской империи [56, I, p. 302], располагали свои стоянки в Добрудже. Безусловно, они были подчинены де юре ханам Золотой Орды. Оттуда они оказались вовлеченными в военные конфликты в соседних регионах, действуя сами по себе или в альянсе с различными балканскими правителями. Они встречаются, среди прочего, сражающимися под именем «татар» (Татаръ) вместе с болгарским царем и Басарабом против сербов в знаменитой битве при Велбужде 1330 года [79, p. 53; 64, s. 83; 6, с. 114], которая обусловила значительные изменения на переднем плане балканской политической сцены, где сербы сменили болгар в исполнении главной роли. Когда в 1326 году армия турок из Анатолии предприняла грабительский набег на Балканский полуостров и достигла Дуная, татары, располагавшиеся на его левобережье, оказали им энергичный отпор и нанесли сокрушительное поражение [68, p. 31–32].

Татары на юге от Дуная сохранили военную силу и в последующие годы. Византия заключила с ними мирный договор и выплачивала им дань для того, чтобы избежать их нападений в начальные годы правления Андроника III (1328–1341). Дружественные отношения были также скреплены женитьбой Узбека на дочери императора [59, II, p. 393]. Согласно указанию, содержащемуся на карте братьев Пицигани, составленной в Венеции в 1367 году, именно в правление Узбека эта империя «начиналась от провинции Бургарии [Болгарии] и города Вечина [Вичина]» [55, p. 447]. Знаменитый путешественник Ибн Баттута, встречавшийся с ханом Сарая, утверждал, что южные пределы владений тюрок достигали Баба-Салтыка [59, II, p. 417], который отождествляется с Бабадагом в северной половине Добруджи. Его свидетельство заслуживает доверия, принимая во внимание то, что в 1334 году он дважды пересекал пространство между Сараем и Константинополем и лично был знаком с землями на северо-запад от Черного моря.

Все эти многочисленные данные несомненно указывают на то, что после того как в Исаке была установлена резиденция сына хана Сарая, власть Золотой Орды стала непрерывно применяться в северо-восточном регионе Балканского полуострова вплоть до середины XIV века. Разумеется, что распространение господства Болгарского царства на север от устья Дуная не могло иметь место в течение правления Феодора Светослава. Болгары имели возможность выступать там только в качестве субъектов Золотой Орды, которая в определенных случаях могла уступить различные военные атрибуты тем народам, которые были подчинены ее владычеству. В равной степени верно и то, что, как и в случае русских княжеств, Болгарское царство могло использовать в своих интересах те моменты, когда руководство Золотой Орды оказывалось вовлеченным в конфликты, разгоревшиеся в других географических зонах, для решения собственных первостепенных задач.

Очевидно, что для поддержания своего господства в Добрудже, татары должны были держать под контролем и южную часть Молдавии; пространство, в отношении которого мы не располагаем одинаково многочисленной информацией. Как мы уже упоминали, на равнине между Прутом и Днестром, обозначаемой в Средневековье тюркским термином Буджак, было найдено несколько опознанных курганов, датируемых второй половиной XIII

и первой половиной XIV века и приписываемых куманам и, возможно, другим тюркским сообществам.

Также в юго-восточной части Буджака, в месте излияния Днестра в одноименное русло, в последние десятилетия XIII века было построено важное портовое поселение на руинах античной крепости Тира, возведенной греками и позже захваченной римлянами. Его развитие связано с коммерческой экспансией генуэзцев, которые, согласно Нимфейскому договору, заключенному 13 марта 1261 года, получили от византийцев существенные льготы для своей торговой деятельности в бассейне Черного моря [65, I, p. 488–495], подтвержденные позже ханами Золотой Орды. Используя благоприятную политическую обстановку и свой экономический потенциал, начиная с последнего десятилетия XIII века, генуэзцы основали ряд торговых пунктов вдоль понтийского побережья, некоторые из которых превратились в укрепленные городские центры, заселенные этнически и конфессионально смешанным населением. Среди них заслуживает упоминания Маврокастрон (Moncastro, Akkerman, Cetatea Albă, Белгород-Днестровский), упоминаемый в первый раз письменными источниками 8 мая 1290 года под названием Малвокастро (Malvocastro) [36, p. 203].

В течение XIV–XV веков это поселение многократно упоминается как растущее в геометрической прогрессии в разных формах, параллельно с ростом его экономического и военного значения. Важно отметить тот факт, что на морских картах, представлявших бассейн Черного моря и составленных итальянскими и каталонскими картографами, название этого порта в устье Днестра обозначалось красным цветом наряду с главным городами вдоль побережья, в отличие от большинства других поселений, обозначавшихся черным цветом. Мамлюкский автор ал-Омари (1301–1349), бывший родом из Дамаска, упоминал в своем обширном описании Монгольского государства только название Аккермана среди всех городских центров западной части Золотой Орды и указывал среди всех крупных рек, протекавших по Монгольской империи, на Tuglu (= Днестр) и Дунай [33, s. 142]. В основном процветание этого города было следствием активной торговли зерном, рабами, солью, как, вероятно, и другими товарами. В подробном торговом трактате, написанном около середины XIV века флорентинцем Франческо Балдуччи Пеголотти, пшеница Маврокастро (grano da Maocastro) упоминается вместе с пшеницей Каффы, Анхиалоса, Варны в Болгарии, как и Вичины и Созополя [83, p. 42]. Перевозка зерновых предназначалась, в первую очередь, для Константинополя и Перы. Рынки рабов в портах Северного Причерноморья снабжались собственно татарами посредством осуществления набегов на соседние страны. Как показали археологические раскопки, в обмен на товары, вывозимые из Маврокастро, обратно привозились металлические, стеклянные и керамические изделия из Византии и различных стран Азии. Многочисленные монеты и два монетных клада, содержащих, в основном, монеты Золотой Орды и обнаруженных рядом с городской стеной, указывают на важную роль, которую играло денежное обращение в ходе товарообмена. Аналогично большинству портов, расположенных на побережье Северного Причерноморья, население Маврокастро отличалось этнической разнородностью, отображенной несколькими средневековыми текстами и обнаруженными следами, указывающими на присутствие общностей восточно-евро-

пейского, византийского, средиземноморского и восточного происхождения [40; 15; 3, с. 757–790].

Предоставляя протекцию коммерческой деятельности итальянских колонистов, монголы, естественно, получали взамен существенные экономические выгоды. В ходе сосуществования с разнородным оседлым населением ментальность кочевнической аристократии стала меняться в связи с осознание того факта, что потворство по отношению к определенным экономическим группам может принести намного большие материальные выгоды, чем военная добыча, полученная в грабительских набегах. Придерживаясь этих принципов, они выказали покровительство основанию урбанных поселений Старого Орхея (Орхейский район) на реке Реут и Костешты (Яловенский район) на реке Ботна (республика Молдова).

После уничтожения свободных протоурбанных поселений даков и последующего разрушения римских поселений в поздней античности городская жизнь в Молдавии прервалась примерно на тысячу лет вследствие непрерывной серии следовавших друг за другом крупных инвазий с Востока. В этих условиях традиции городской жизни местного населения постепенно исчезли, и по этой причине вклад татарских властей в возобновление там городской жизни оказался действительно чрезвычайно полезным. Будучи степным кочевническим народом, монголы не обладали опытом проектирования зданий и уличных сетей или управления определенными экономическими секторами, но они с успехом использовали в этих целях городские общины, покоренные в ходе их военных кампаний. Чтобы стимулировать основание городов, имперская власть часто прибегала к принудительным мерам депортации и колонизации, трагичным для судьбы отдельных индивидуумов, но благотворным для развития определенных территориальных объединений.

Эти практики имели отношение и к основанию Старого Орхея и Костешты. Ни один из этих двух городов не упоминается в письменных источниках, но они были обнаружены благодаря археологическим изысканиям, предпринятым в течение десятилетий после II Мировой войны. Археологические останки, обнаруженные во время раскопок, отображают характеристики, не присущие местной среде, но более близкие тем характеристикам, которые были выявлены в городских центрах Золотой Орды в бассейне Волги, в западной части Средней Азии и в понтийско-каспийских регионах. Внутри центрального периметра обоих городищ находилось скопление массивных каменных строений для публичного и частного пользования, тогда как на периферии превалировали простые здания из дерева и прутьев, часть из которых использовалась в качестве ремесленных мастерских. В Старом Орхее были обнаружены одна мечеть, два караван-сарая и три бани в восточном стиле, обогреваемые при помощи труб, проложенных под полом. Как в Старом Орхее, так и в Костешты снабжение питьевой водой в определенных жилищах достигалось при помощи использования глиняных труб. Оба города являлись действующими ремесленными центрами, где производились обработка металлов и различные сорта керамической продукции. Именно в Старом Орхее бы обнаружен самый старый для Европы XIV века склад сельскохозяйственных орудий, содержащий 68 бороздоделателей, 42 плуга и другие предметы, несомненно изготовленные не только для пользования жителей

этого города, но и для продажи соседствующим сельским общинам [98, р. 242–258; 14, р. 70–107].

Особенно важным является то, что, по всей вероятности, на этом городище чеканились свои собственные монеты. Их легенда на арабском уточняла, что они были выпущены в Шехр аль-Джедид или Янги-шехр, то есть в Новом городе. Без сомнения, это было урбанное поселение, где производилась чеканка монет [28, с. 193–213; 23, с. 39–66; 74, р. 167–179; 75, р. 1367–1373]. Как и в случае Маврокастроны, городские центры на реках Реут и Ботна находились в интенсивной торговой взаимосвязи с восточными регионами Золотой Орды, откуда поступала металлическая и керамическая продукция высокого качества. Довольно большое количество эмалированной керамической посуды, изготовленной в Кашане в Ильханате Персии, в одном из наиболее известных центров гончарного производства, указывает на присутствие социальных слоев с тонким вкусом и значительными материальными ресурсами, позволявшими покупать столь дорогие товары. Кладбища в обоих городах содержали тела (ныне эксгумированные), расположенные в могилах в различных положениях, характерных как для христианских, так и мусульманских общин. Фактически не только погребальный обряд, но и здания вместе с имуществом указывают на этнокультурную разнородность местных жителей. В то время как основная часть городского населения была родом из восточных регионов Золотой Орды с тюркским преобладанием, сельские общины, соседствовавшие с городами и снабжавшие городских жителей сельскохозяйственными продуктами, состояли в основном из исконного местного населения [98, р. 242–258; 14, р. 70–107].

Как уточнялось выше, в отличие от территорий, находившихся под прямым управлением татарских властей, некоторые области Молдавии и Валахии были оставлены за пределами владений Орды. У нас нет точной документальной информации об их политическом статусе, но некоторые предположения можно сделать на основе косвенных сведений нескольких категорий источников. Из содержания так называемой грамоты Иоаннитов 1247 года следует, что в центральной и западной частях Валахии существовало несколько румынских государственных образований, некоторые из которых находились в определенной зависимости от Венгерского королевства [106, с. 73–76; 50, р. 21–28. См. также: 82, р. 138–141; 105, р. 233–242; 30, р. 131–135; 84, р. 225–242]. Сложно утверждать, должны ли были в определенный момент эти образования или те, которые их сменили в дальнейшем, признать верховную власть ханов. В любом случае, когда Басараб взшел на трон Валахии в третьем десятилетии XIV века, его государство не находилось под владычеством татар. Если бы он находился в подчиненном положении, то во время переломных моментов экспедиции Карла Роберта Анжуйского в 1330 году он несомненно прибег бы к помощи своих соседей в степях Северного Причерноморья; но он не сделал этого.

С другой стороны, в течение этого же периода и даже несколько десятилетий позже примерно половина территории Молдавии, то есть ее юго-восточная часть, находилась под прямым управлением татар. Ее северная и западная части имели другой статус, но сложно установить, была ли система управления одинаковой на этих территориях. Топонимы Средневековья и раннего Нового времени предоставляют определенные указания на полити-

ческие отношения в северной части рассматриваемой зоны. В этой связи мы имеем в виду несколько средневековых документов, составленных в канцелярии воеводы в XV–XVII веках, упоминающих деревни *Bascocuți*, *Băscăciani* и *Băscăceni* в северной части Молдавии. Эти наименования происходят от названия подразделений баскаков, получавших предписание от ханов собирать дань и налагать другие повинности на население, подчиненное татарам на территориях, находившихся под их владычеством, но где управление было передано местным правителям [97, p. 165–166].

Вследствие консолидации власти Анжуйской династии на всей территории Венгерского королевства к середине первой половины XIV века, его экспансионистские тенденции оживились, в особенности за пределами южных и восточных границ этого государства. Несколько источников указывают на напряженное положение или даже военные столкновения между венграми и татарами с расположением театров военных действий на землях, заселенных румынами. В 1324 году имела место экспедиция во главе с Финтой Мендийским в «страну тартар» с целью предотвращения их нападения [106, s. 387–388]. В этот же период Святой Престол послал Карлу Роберту финансовую помощь для организации крестового похода против татар, схизматиков и язычников и предоставил духовное благословение воинам, вовлеченным в сражения [57, p. 574–575, 630, 631]. С восхождением на престол Людовика I Анжуйского (1342–1382) Венгерское королевство расширило радиус военных предприятий за пределами своих северо-восточных и восточных границ. В ответ на нападение на Трансильванию, Андрашу Лацкфи, комесу секеев, была поручена экспедиция в «страну тартар» [42, p. 276–277; 43, p. 167]. Но, несмотря на ее успех, татары не были прогнаны на левобережье Днестра, как это предполагают некоторые историки. Также и поражение, понесенное от Великого литовского князя Ольгерда (Альгирдас) на Синих Водах в 1362/1363 году [17, с. 66], не означало, что они должны были покинуть территории на север от устья Дуная. В качестве доказательства этого утверждения следует обратиться к долголетнему существованию городских поселений Старого Орхея и Костешты вплоть до конца седьмого десятилетия XIV века. Именно тогда они прекратили свое существование, как на то указывает прекращение циркуляции татарских монет внутри городских стен, аналогично Маврокастроу [97, p. 252–254].

К сожалению, письменные источники не отображают в ясном виде обстоятельства и момент прекращения господства Золотой Орды в румынских регионах Прикарпатья. Возможно, что изгнанию татар на восток от Днестра способствовало объединение христианских сил, воспользовавшихся беспорядками, которые происходили внутри Золотой Орды, серьезно пострадавшей от гражданских войн, начавшихся в 1359 году и продолжавшихся около двух последующих десятилетий [10, с. 261–298; 103, s. 109–121; 4, с. 58–108; 44, p. 219–225]. Сведения, предоставляемые нарративными источниками, также не позволяют сделать окончательный вывод о моменте присоединения юго-западной части Молдавии к румынским княжествам на востоке от Карпат. После завоевания Маврокастроу и Килии в 1485 году Оттоманские турки призвали татар вернуться в Буджак для формирования препятствия против молдаван в случае их попытки отвоевать оба важных портовых города. Татары оставались в Буджаке и после распада Золотой Орды в 1502 году, и они

были выселены из Восточной Европы царской армией только в начале русско-турецкой войны 1806–1812 годов [41, р. 162–171].

Аналогично всем странам, подверженным нападению монголов, монгольское вторжение в регионы проживания румын причинило крупный демографический, экономический и политический урон. Ряд сообществ были полностью уничтожены, порабощены или вынуждены покинуть родные земли. Значительные материальные ценности были уничтожены или разграблены, вызвав нарушения в экономической жизни, особенно в секторе товарообмена. Захват обширных территорий местных жителей воспрепятствовал объединению и консолидации политических образований. С другой стороны, монгольское присутствие в регионах Нижнего Подунавья препятствовало расширению господства Венгерского королевства за Карпатским горным хребтом и Болгарского царства на севере от Дуная. Рах Mongolica, внедренный в течение нескольких десятилетий в Нижнем Подунавье, создал условия для активизации торговых путей континентального значения, развития определенных отраслей ремесленного производства и появления нескольких центров урбанного характера. Поэтому, вместо постулатов, навязанных старой историографией, следует признать правомочность идеи, что монгольское господство в румынских регионах имело и позитивные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атанасов Г.Г., Павлов П.Хр.* Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв. // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2011. С. 3–32.
2. *Бейбарс.* Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 76–123.
3. *Богуславский Г.С.* Белгород – Акджа Керман – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 757–790.
4. *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.
5. *Возний І.* Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст. I, Поселення. Київ-Чернівці, 2009.
6. *Вукасовић В.В.* Стари студенички зборник // Споменик (Српска Краљевска Академија) XXXVIII, 34, 1900. С. 109–121.
7. *Джурова А., Димитров Б.* Славянски ръкописи, документи и карти за Българската история от Ватиканската Апостолическа Библиотека и Секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978.
8. *Добролюбский А.О.* Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 28–39.
9. *Добролюбский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
10. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950.
11. *Ибнхальдун.* Из истории Ибнхальдуна // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 365–394.
12. *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей, II, втор. изд. СПб., 1908.

13. Кляшторный С.Г., Султанов, Т.И. Государства и народы Евразийских степей Древность и средневековье, втор. изд. СПб, 2004.
14. Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. Золотая Орда и жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // *Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie și istorie urbană)* / Dragnev D. (ed.). Chișinău, 1994. P. 70–107.
15. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.
16. Лазаров Л. Няколко монети на Златната Орда от фонда на Археологически музей-Варна // *Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие (Acta Musei Varnensis, II)*. Варна, 2004. С. 369–378.
17. Летописец великих князей литовских // *Супрасльская летопись. Полное собрание русских летописей, 35, Летописи белорусско-литовские* / Рыбаков Б.А. (отв. ред.), Буганов В.И. (зам. ред.), Улащик Н.Н. (ред.). М., 1980. С. 61–67.
18. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет (Археологическая карта Молдавской ССР, 8). Кишинев, 1976.
19. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев, 1985.
20. Оберлендер-Тырновеану Э. *Byzantino-Tartarica – Монетная чеканка в зоне устьев Дуная в конце XIII – начале XIV века* // *Нумизматика Золотой Орды*. 2012. № 2. С. 38–53.
21. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. (Археологическая карта Молдавской ССР, 7). Кишинев, 1974.
22. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.
23. Руссев Н.Д. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // *Молдавский феодализм. Общее и особенное (История и культура)*. Кишинев, 1991. С. 39–66.
24. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Нога и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556* / Усманов М. А. (отв. ред.). Казань, 2002. С. 129–145.
25. *Элайни*. Из летописи... // *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 475–534.
26. *Элькалькашанди*. Из сочинения... // *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 395–416.
27. *Эннувейри*. Из энциклопедии... // *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 128–171.
28. Янина С.А. «Новый город» (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // *Труды Государственного Ордена Ленина Исторического Музея 49, Нумизматический сборник V, 1* / Давидович Е.А. (под ред.). М., 1977. С. 193–213.
29. *Abu'l-Fidā', Sultan of Hamāh (672–732 / 1273–1331). The Memoirs of a Syrian Prince* / Holt P. M. (ed. and trans.). Wiesbaden, 1983.
30. *Achim V. Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. București, 2008.
31. *Acta Ioannis XXII (1317–1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit A.L. Tăutu // Pontificia commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Città del Vaticano, 1952.*
32. *Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana* // *Monumenta Cartographica Vaticana, I. Città del Vaticano, 1944.*

33. *Al-'Umarī*. Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk *Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār* / Lech K. (ed.). Wiesbaden, 1968.
34. *Andronic M.* Istoria Bucovinei, II, În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale. Suceava, 2014.
35. *Anonymi* Descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» Anno MCCCVIII exarata / Gôrka O. (ed.). Cracoviae, 1916.
36. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer, I, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris–La Haye, 1973.
37. *Batariuc P.-V.* Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur” din teritoriul dintre Carpați și Prut // *Arheologia Moldovei*. 2010. № XXXIII. P. 243–253.
38. Der Bericht des fr. Iulianus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse* 1956, 1. S. 162–182.
39. Der Bericht des fr. Riccardus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse* 1956, 1. S. 147–162.
40. *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions à l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce génois sur le littoral roumain de la mer Noire. București, 1935.
41. *Chirtoagă I.* Apariția tătarilor (nogailor) pe teritoriul Moldovei și semnificația noțiunii Bugeac // *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă* / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 162–171.
42. *Chronicon Budense* / Podhradczky I. (ed.). Buda, 1838.
43. *Chronicon Dubnicense* // *Historiae Hungaricae fontes domestici, Scriptorum III* / Florianus M. (ed.). Quinqueecclesiis (= Pécs), 1884.
44. *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden–Boston, 2012.
45. *Codex diplomaticus Transsylvaniae. Diplomata, epistolae et alia instrumenta litteraria res Transsylvanas illustrantia*, I, 1023–1300 = Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez, I, 1023–1300 / Jakó S. (ed.). Budapestini, 1997.
46. *Codex Parisiensis, Suppl. Lat. Nr. 1675, olim Epternac, fol. 101'*, in *Annales Frisacenses* / Weiland L. (ed.) // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum XXIV. Hannoverae*, 1879. P. 65.
47. *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge, 2006.
48. *Decei A.* L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami ot-Tevarikh de Fāzl ol-lah Rāšid od-Din // *Revue Roumaine d'Histoire*. № XII, 1973, 1. P. 101–121.
49. *Descriptio itineris prioris fr. Iuliani a fr. Richardo* // *Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III*, 1937, 1–4. P. 21–34.
50. *Documenta Romaniae Historica, B, Țara Românească I* / P.P. Panaitescu și D. Mioc (eds.). București, 1966.
51. *Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum* // *Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III*, 1937, 1–4. P. 35–44.
52. *Gemil T.* Osmanlı Öncesi Romanya Topraklarında Türk Varlığı // *Moștenirea istorică a tătarilor II* / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2012. P. 32–55.
53. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano, II (Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso Firenze, 1913.
54. *Gonța A.I.* Români și Hoarda de Aur, 1241–1502. München, 1983.

55. *Grămadă N.* Vicina. Izvoare cartografice. Originea numelui. Identificarea orașului // *Codrul Cosminului I*, 1924. P. 437–459.
56. *Gregoras.* Nicephori Gregorae Byzantina historia, I / Schopen L. (ed.). Bonn, 1829.
57. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, I, 1199–1345 / Densușianu N. (ed.). București, 1887.
58. *Iambor P.* Atacurile cumano-tătare asupra Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea // *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj-Napoca XVII*, 1974. P. 211–223.
59. *Ibn Batoutah.* Voyages II // Defrémery C. et Sanguinetti B.R. (eds. et trad.). Paris, 1854.
60. *Imposicio Officii Gazarie // Monumenta historiae patriae, Leges municipales. Auguste Taurinorum (=Torino)*, 1838.
61. *Iorgulescu V.* Le sud-est européen entre Byzance et Occident aux Xe–XIVe siècles. Le cas des Roumains. Iași, 2005.
62. *Iosipescu S.* Bulgarii la Cetatea Albă în anii 1314, 1316 // *Români în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Cădea I (eds.)*. Brăila, 2008. P. 699–716.
63. *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
64. *Jagić V.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // *Archiv für slavische Philologie II*, 1877. S. 1–109.
65. *Jus Graecoromanorum, I, Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum / Zepos J. et Zepos P. (eds.)*. Athena, 1931.
66. *Kortantamer / Omar S.* Ägypten und Syrien zwischen 1317 und 1341 in der Chronik des Mufaddal b. Abī l-Fadā'il. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. Freiburg i. Br., 1973.
67. *Kovács Sz.* Bortz, a Cuman chief in the 13th century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 58, 2005, 3. P. 255–266.
68. *Laonic Chalcocondil.* Expuneri istorice / Grecu V. (ed.). București, 1958.
69. *Lazarov L.* Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj // *Bulgarian Historical Review*. № XXV, 1997, 4. P. 3–9.
70. *Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, II, Ab a. 1273. ad a. 1321 / Knauz F. (ed.)*. Strigonii, 1882.
71. *Moufazzal ibn Abil-Fazail.* Histoire des sultans mamlouks III / Blochet E. (ed. et trad.) // *Graffin R.-Nau F. Patrologia Orientalis XX, 1*, Paris, 1929. P. 3–267.
72. *Moule A.C.* Textus duarum epistolarum fr. minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323 // *Archivum franciscanum historicum*. 1923. № XVI. P. 104–112.
73. *Nicolae E.* O monedă emisă de Çaka fiul lui Nogaj // *Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476–2001), Chișinău, 13–15 mai 2001 / Nicolae E. (ed.)*. București, 2002. P. 139–143.
74. *Nicolae E.* Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Șehr al-Cedid) // *Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenței României, Chișinău, 24–26 septembrie 2002 / Nicolae E. (ed.)*. București, 2003. P. 167–179.
75. *Nicolae E.* Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle // *XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid – 2003. Actas – Proceedings – Actes / Alfaro C., Marcos C. and Otero P. (eds.)*. Madrid, 2005. P. 1367–1373.
76. *Nordenskiöld A.E.* Periplus, an Essay on the Early History of Charts and Sailing-Direction. New York, 1897.
77. *Oberländer-Târnoveanu E.* Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Săqçy-Isaccea (XIIIe–XIVe siècles). Actes du XIe Congrès International de Numismatique / *Proceedings of the XIth International Numismatic Congress III, Monnaies byzantines, monnaies médiévales et orientales / Hackens T., Moucharte G. (eds.)*. Leuven-la-Neuve, 1993. P. 291–304.

78. *Oberländer-Târnoveanu E.* Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă* / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 93–128.
79. *Okázky občanského písemnictví / Šafařík P.J.* (ed.). Prague, 1870.
80. *Osman S.* Prezența cumană în spațiul nord-dunărean // *Moștenirea istorică a tătarilor I* / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2010. P. 79–106.
81. *Pachymeres.* Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Paleologis. I, II / Bekker Im. (ed.). Bonn, 1835.
82. *Papacostea Ș.* Românii în secolul al XIII-lea între cruciată și Imperiul mongol. București, 1993.
83. *Pegolotti, Francesco Balducci.* La pratica della mercatura / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936.
84. *Pop I.-A.* Noi comentarii asupra Diplomei Cavalerilor Ioaniți (1247) și a contextului emiterii sale // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Câdea I.* (eds.). Brăila, 2008. P. 225–242.
85. *Postică Gh.* Civilizația medievală timpurie din spațiul Pruto-Nistrean (secolele V–XIII). București, 2007.
86. *Rashīd al-Dīn.* The Successors of Genghis Khan / Boyle J. A. (ed. and trans.). New York–London, 1971.
87. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols II* / Thackston W.M. (ed. and trans.). Harvard, Cambridge, Mass., 1999.
88. *Riccold de Monte Croce.* Pèrègrination en Terre Sainte et au Proche Orient. Lettres sur la chute de Saint-Jean d'Acre / Kappler R. (ed.). Paris, 1997.
89. *Rogerius.* Rogerii Carmen miserabile = Rogerius, Cântecul de jale / Popa-Lisseanu G. (ed.) // *Izvoarele istoriei românilor, V.* București, 1935.
90. *Rogerius.* Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta = Master Roger's Epistle to the sorrowful lament upon the destruction of the kingdom of Hungary by the Tatars / Bak J.M. and Rady M. (trans. and annot.) // *Anonymus and Master Roger.* Budapest–New York, 2010. P. 132–227.
91. *Roman G.* Consecințele mării invazii tătare asupra creștinismului românesc, în a doua jumătate a secolului al XIII-lea // *Istorie bisericească, misiune creștină și viață culturală, II, Creștinismul românesc și organizarea bisericească în secolele XIII–XIV. Știri și interpretări noi.* Galați, 2010. P. 236–272.
92. *Rubruck.* Guillelmus de Rubruc, Itinerarium // *Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV* / Wyngaert A. van den (ed.). Ad Claras Aquas (Quaracchi-Firenze), 1929. P. 147–332.
93. *Sacerdoțeanu A.* Marea invazie tătară și sud-estul European. București, 1933.
94. *Sălăgean T.* Transilvania și invazia mongolă din 1285 // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Câdea I.* (eds.). Brăila, 2008. P. 271–282.
95. *Scorpan C.* L'ensemble archéologique féodal de Bîtea Doamnei // *Dacia, NS, IX,* 1965. P. 441–454.
96. *Simion G.* O locuință cu ceramică de factură tătarească descoperită în nordul Dobrogei // *Arheologia Moldovei. № XXI,* 1998. P. 231–238.
97. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries. București, 1986.
98. *Spinei V.* La genèse des villes du sud-est de la Moldavie et les rapports commerciaux des XIIIe–XIVe siècles // *Balkan Studies. № 35, 2,* 1994. P. 197–269.
99. *Spinei V.* Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens // *Südost-Forschungen. 2002/2003. № 61/62.* P. 1–47.
100. *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century, II, Cumans and Mongols. 2nd ed. Amsterdam, 2006.

101. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston, 2009.
102. *Spinei V.* Mongolii și românii în sinteza de istorie ecleziastică a lui Tholomeus din Lucca = Les Mongols et les Roumains dans la synthèse d'histoire ecclesiastique de Tholomeus de Lucca. Iași, 2012.
103. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502. 2nd ed. Wiesbaden, 1965.
104. *Tholomeus von Lucca.* Historia ecclesiastica nova nebst Fortsetzung bis 1329 / Clavuot O. (ed.) // Vorarbeiten von L. Schmugge. Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum XXXIX, Hannover, 2009.
105. *Turcuș Ș.* Sfântul Scaun și românii în secolul al XIII-lea. București, 2001.
106. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, I, 1191 bis 1342 / Zimmermann F. und Werner C. (eds.) Hermannstadt (= Sibiu), 1892.
107. *Vásáry I.* Az Arany Horda. Budapest, 1986.
108. *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
109. *Villani, Giovanni.* Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani I / Racheli A. (ed.). Trieste, 1857.
110. *Villani, Giovanni.* Nuova cronica, I (Libri I–VIII) / Porta G. (ed.) Parma, 1990.
111. *Waddingus Hibernus L.* Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum VI (1301–1322). Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam, 1931.
112. *Zimonyi I.* The Mongol campaigns against Eastern Europe // Medieval Nomads in Eastern Europe / Spinei V. (ed.). București–Brăila, 2014. P. 325–352.

Сведения об авторе: Виктор Спинеи – почетный профессор исторического факультета университета имени А.И. Кузы в городе Яссы; старший научный сотрудник и почетный директор Института археологии в городе Яссы (700479, ул. Т. Кодреску 6, Яссы, Румыния); член Румынской Академии наук; член-корреспондент Германского института истории; почетный доктор государственного университета Молдовы в Кишиневе. E-mail: vspin@uaic.ro

Поступила 10.08.2016 г.

Принята к публикации 25.11.2016 г.

DOMINATION OF THE GOLDEN HORDE IN WALLACHIA AND MOLDAVIA

Victor Spinei^{1,2}

¹ *Al.I. Cuza University of Iași*

² *Institute of Archaeology of Iași*

Iași 700479, Romania

E-mail: vspin@uaic.ro

Research objective: to explore the characteristics and effects of the period of the Golden Horde domination in Wallachia and Moldavia.

Research materials: The impact of the Great Mongol Invasion of 1241–1242 on the Romanian regions was particularly deep, causing massive economic and political disruptions that inter alia resulted in the inclusion of wide territories outside the Carpathian arch into the Golden Horde State for more than a century. Naturally, this historical sequence

raised a major interest in historiography, being the subject of numerous studies and monographs. Moreover, monographic volumes and various other studies that synthetically treat the events related to the Mongol conquests in Eastern and Central Europe also illustrate aspects regarding the Carpatho-Danubian lands. The conclusions made by the historians interested in the above topics were mainly based, until several decades ago, on the information resulting from the Western and Eastern narrative and diplomatic sources. During the years that followed World War II, while progress was being registered in the field of medieval archaeology, numerous vestiges dated to the period of the Mongol expansion were brought to light, thus substantially enriching the topics related to the contacts between the autochthones and the invaders. In the current phase of research, comprehensive investigations regarding the history of the Romanians and the Mongols of the thirteenth–fourteenth centuries cannot be undertaken without a thorough parallel examination of the written and archaeological sources.

Research results and novelty: As everywhere in the invaded countries, the Mongol intrusion into the regions inhabited by the Romanians caused large damage demographically, economically and politically. Important goods were destroyed or plundered, causing disturbances within the economic life, particularly in the field of commercial exchanges. The capturing of the local inhabitants' wide territories hindered the coagulation and consolidation of the local political formations. On the other hand, the Mongol presence in the counties of the Lower Danube area represented an impediment to the extension of the domination both of the Hungarian Kingdom beyond the Carpathian ridges and of the Bulgarian Tsardom north of the Danube. *Pax Mongolica* adopted throughout several decades on the Lower Danube area created conditions for the activation of commercial routes of continental importance, for the development of certain artisanship branches and for the occurrence of several urban character nuclei. In spite of the precepts imposed in older historiography, the idea that the Mongol domination in the Romanian regions also had positive consequences shall have therefore to be accepted.

Keywords: history of the Mongol Empire, Golden Horde, Transylvania, Wallachia, Moldavia.

For citation: Spinei V. Domination of the Golden Horde in Wallachia and Moldavia. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766

REFERENCES

1. Atanasov G.G., Pavlov P.Khr. Tataro-Bulgarica – Tri etyuda o bolgarsko-tatarskikh kontaktakh na Nizhnem Dunae v XIII–XIV vv. [Tataro-Bulgarica: Three Essays on the Bulgarian-Tatar Contacts on the Lower Danube in 13th–14th centuries]. *Forum «Idel'Altay»* [Forum “Idel-Altai”]. Kazan, 2011, pp. 3–32. (In Russian)
2. Baybars. Iz letopisi Rukneddina Beybarsa [From the Annals of Rukn al-Din Baybars]. *Sbornik "materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 76–123. (In Russian)
3. Boguslavskiy G.S. Belgorod – Akdzhа Kerman – Asprokastro (oчерk istorii i arkheologii srednevekovogo goroda) [Belgorod – Akja Kerman – Asprocastron (essay on the history and archeology of medieval town)]. *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Coast]. Odessa, 2013, pp. 757–790. (In Russian)
4. Varvarovskiy Yu.E. *Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka* [The Ulus of Jochi in the 1360–70s]. Kazan, 2008. 127 p. (In Russian)

5. Vozniy I. *Istoriko-kul'turniy rozvitok naselennya mezhirichchya Verkh'nogo Siretu ta Seredn'ogo Dnistra v X–XIV st. I, Poselennya* [Historical and Cultural Development of the Population between the Upper Siret and Middle Dniester in the 10th–14th centuries. Vol. I. Settlements]. Kyiv-Chernivtsi, 2009. 592 p. (In Ukrainian)
6. Vukasovich V.V. Stari studenichki zbornik [The Old Studenica Collection]. *Spomenik (Srpska Kraljevska Akademija)* [Spomenik (Serbian Royal Academy)]. XXXVIII, 34, 1900, pp. 109–121. (In Ukrainian)
7. Dzhurova A., Dimitrov B. *Slavyanski r"kopisi, dokumenti i karti za B"lgarskata istoriya ot Vatikanskata Apostolicheska Biblioteka i Sekretniya arkhiv na Vatikana (IX–XVII vek)* [Slavic Manuscripts, Documents, and Maps regarding Bulgarian History from the Vatican Apostolic Library and Vatican Secret Archive (9th–17th centuries)]. Sofiya, 1978. 151 p. (In Bulgarian)
8. Dobrolyubskiy A.O. Etnicheskiy sostav kochevogo naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v zolotoordynskoe vremya [Ethnic Composition of the Nomadic Population of the Northwestern Black Sea Region during the Golden Horde Period]. *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Monuments of the Roman and Medieval Times in the Northwestern Black Sea Region]. Kyiv, 1982, pp. 28–39. (In Russian)
9. Dobrolyubskiy A.O. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednekov'ya* [Nomads of the Northwestern Black Sea Region in the Middle Ages]. Kyiv, 1986. 137 p. (In Russian)
10. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Downfall]. Moscow–Leningrad, 1950. 505 p. (In Russian)
11. Ibn Khaldun. Iz istorii Ibnkhal'duna [From the History of Ibn Khaldun]. *Sbornik" materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh"* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.) St. Petersburg, 1884, pp. 365–394. (In Russian)
12. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh" letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], II, vtor. izd. St. Petersburg, 1908. 938 cols. (In Russian)
13. Klyashtorny S.G., Sultanov, T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes: Antiquity and the Middle Ages], vtor. izd. St. Petersburg, 2004. 368 p. (In Russian)
14. Konovalova I.G., Russev N.D. *Zolotaya Orda i zhizni gorodov Dnestrovsko-Dunayskogo regiona (Po svedeniyam pis'mennykh istochnikov)* [The Golden Horde and Urban Life in the Dniester-Danube region (according to written sources)]. *Evul mediu timpurii în Moldova (Probleme de istoriografie și istorie urbană)*. Dragnev D. (ed.). Chișinău, 1994, pp. 70–107. (In Russian)
15. Kravchenko A.A. *Srednevekovyy Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.)* [Medieval Belgorod on the Dniester (the end of the 13th – 14th centuries)]. Kyiv, 1986. 124 p. (In Russian)
16. Lazarov L. Nyakolko moneti na Zlatnata Orda ot fonda na Arkheologicheski muzey-Varna [Several Coins of the Golden Horde from the Fund of Archaeological Museum in Varna]. *Numizmatichni i sfragistichni prinosi k"m istoriyata na Zapadnoto Chernomorje (Acta Musei Varnensis, II)* [Numismatic and Sfragistic Contributions to the History of the Western Black Sea Coast (Acta Musei Varnensis, II)]. Varna, 2004, pp. 369–378. (In Bulgarian)
17. *Letopisets' velikykh knyazei litov"skykh. Suprasl'skaya letopis'*. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, 35, *Letopisi belorusko-litovskie* [Chronicles of the Great Lithuanian Dukes in the Annals of Suprasl. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 35. Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Rybakov B.A. (otv. red.), Buganov V.I. (zam. red.), Ulashchik N.N. (red.). Moscow, 1980, pp. 61–67. (In Russian)

18. Nudel'man A.A. *Topografiya kladov i nakhodok edinichnykh monet (Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR, 8)* [A Topography of Coin Hoards and Single Findings (Archaeological Map of the Moldavian SSR, 8)]. Chişinău, 1976. 196 p. (In Russian)
19. Nudel'man A.A. *Ocherki istorii monetnogo obrashcheniya v DnestrovskoPrutskom regione (s drevneyshikh vremen do obrazovaniya feodal'nogo Moldavskogo gosudarstva)* [Essays on the History of Monetary Circulation in the Dniester and Prut Region (from ancient times to the formation of the feudal State of Moldova)]. Chişinău, 1985. 180 p. (In Russian)
20. Oberländer-Târnoveanu E. Byzantino-Tartarica – Monetnaya chekanka v zone ust'ev Dunaya v kontse XIII – nachale XIV veka [Byzantino-Tartarica: Coin Minting in the Area of the Mouth of the Danube River in the late 13th – early 14th centuries]. *Numizmatika Zolotoy Ordyy* [Golden Horde Numismatics]. 2012. № 2, pp. 38–53. (In Russian)
21. Polevoy L.L., Byrnya P.P. *Srednevekovye pamyatniki XIV–XVII vv. (Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR, 7)* [Medieval Monuments of the 14th–17th centuries (archaeological map of the Moldavian SSR, 7)]. Chişinău, 1974. 113 p. (In Russian)
22. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. *Drevnerusskoe Podnestrov'e* [The Ancient Russian Dniester Region. An Essay on the Regional History]. Uzhgorod, 1981. 144 p. (In Russian)
23. Russev N.D. Gorodskie tsentry Dnestrovsko-Dunayskikh zemel' i Zolotaya Orda (momenty i arealy evolyutsii) [Urban Centers of the Dniester-Danubian Lands and the Golden Horde (moments and areas of evolution)]. *Moldavskiy feodalizm. Obshchee i osobennoe (Istoriya i kul'tura)* [Moldavian Feudalism. General and Particular (History and Culture)]. Chişinău, 1991, pp. 39–66. (In Russian)
24. Heywood C. Nekotorye problemy numizmaticheskogo dokazatel'stva pravleniy khana Nogaya i Dzheki [Some Problems of the Numismatic Evidences of the Reigns of Khans Nogay and Chaka]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Usmanov M. A. (otv. red.). Kazan', 2002, pp. 129–145. (In Russian)
25. Al-Ayni. Iz letopisi... [From the Chronicle ...]. *Sbornik" materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 475–534. (In Russian)
26. Al-Qalqashandi. Iz sochineniya... [From the Writing ...]. *Sbornik" materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 395–416. (In Russian)
27. Al-Nuwayri. Iz entsiklopedii... [From the Encyclopedia ...]. *Sbornik" materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 128–171. (In Russian)
28. Yanina S.A. „Novyy gorod” (= Yangi-Shehr = Shehr al-Dzhedid) – monetnyy dvor Zolotoy Ordyy i ego mestopolozhenie [The “New City” (= Yangi-Shehr = Shehr al-Jadid): The Golden Horde Mint and Its Location]. *Trudy Gosudarstvennogo Ordena Lenina Istoricheskogo Muzeya 49, Numizmaticheskyy sbornik* [Proceedings of the State Historical Museum of the Order of Lenin 49, Numismatic collection] V, 1. Davidovich E.A. (pod red.). Moscow, 1977, pp. 193–213. (In Russian)
29. Abu'l-Fidā', Sultan of Hamāh (672–732 / 1273–1331). *The Memoirs of a Syrian Prince*. Holt P. M. (ed. and trans.). Wiesbaden, 1983. xi + 99 p.
30. Achim V. *Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. Bucureşti, 2008. 350 p. (In Romanian)

31. *Acta Ioannis XXII (1317–1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit.* A.L. Tăutu. Pontificia commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Città del Vaticano, 1952. xix+ 302 p. (In Latin)
32. Almagià R. *Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana.* Monumenta Cartographica Vaticana, I. Città del Vaticano, 1944. xii + 156 p. (In Italian)
33. Al-'Umarī. *Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār.* Lech K. (ed.). Wiesbaden, 1968. xi + 475 p. (In German)
34. Andronic M. *Istoria Bucovinei, II, În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale.* Suceava, 2014. (In Romanian)
35. *Anonymi Descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» Anno MCCCVIII exarata.* Górká O. (ed.). Cracoviae, 1916. 70 p. (In Latin)
36. Balard M. *Génes et l'Outre-Mer, I, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290.* Paris–La Haye, 1973. 420 p. (In French)
37. Batariuc P.-V. Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur” din teritoriul dintre Carpați și Prut. *Arheologia Moldovei.* 2010. № XXXIII, pp. 243–253. (In Romanian)
38. Der Bericht des fr. Iulianus. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen.* Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1, pp. 162–182. (In Latin)
39. Der Bericht des fr. Riccardus. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen.* Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1, pp. 147–162. (In Latin)
40. Brătianu G.I. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions à l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce génois sur le littoral roumain de la mer Noire.* București, 1935. 195 p. (In French)
41. Chirtoagă I. Apariția tătarilor (nogailor) pe teritoriul Moldovei și semnificația noțiunii Bugeac. *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă.* Gemil T. (ed.). București, 1997, pp. 162–171. (In Romanian)
42. *Chronicon Budense.* Podhradczky I. (ed.). Buda, 1838. xvi + 375 p. (In Latin)
43. *Chronicon Dubnicense.* Historiae Hungaricae fontes domestici, Scriptores III. Florianus M. (ed.). Quinqueecclesiis (= Pécs), 1884. v + 276 p. (In Latin)
44. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries.* Leiden–Boston, 2012. vi + 321 p.
45. *Codex diplomaticus Transsylvaniae. Diplomata, epistolae et alia instrumenta litteraria res Transsylvanas illustrantia, I, 1023–1300 = Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez, I, 1023–1300.* Jakó S. (ed.). Budapestini, 1997. (In Latin)
46. Codex Parisiensis, Suppl. Lat. Nr. 1675, olim Epternac, fol. 101'. *Annales Frisacenses.* Weiland L. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores XXIV.* Hannoverae, 1879, p. 65. (In Latin)
47. Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250.* Cambridge, 2006. xxviii + 496 p.
48. Decei A. L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami ot-Tevarikh de Fäzl ol-lah Rāšid od-Din. *Revue Roumaine d'Histoire.* № XII, 1973, 1, pp. 101–121. (In French)
49. Descriptio itineris prioris fr. Iuliani a fr. Richardo. Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. *Archivum Europae Centro-Orientalis* III, 1937, 1–4, pp. 21–34. (In Latin)
50. *Documenta Romaniae Historica, B, Țara Românească* I. P.P. Panaitescu și D. Mioc (eds.). București, 1966. lxiv + 635 p. (In Latin)

51. Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum. Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. *Archivum Europae Centro-Orientalis* III, 1937, 1–4, pp. 35–44. (In Latin)
52. Gemil T. Osmanlı Öncesi Romanya Topraklarında Türk Varlığı. *Moștenirea istorică a tătarilor II*. Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2012, pp. 32–55. (In Turkish)
53. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano*, II (Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso Firenze, 1913. 641 p. (In Italian)
54. Gonța A.I. *Români și Hoarda de Aur, 1241–1502*. München, 1983. 192 p. (In Romanian)
55. Grămadă N. Vicina. Izvoare cartografice. Originea numelui. Identificarea orașului. *Codrul Cosminului I*, 1924, pp. 437–459. (In Romanian)
56. Gregoras. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*, I. Schopen L. (ed.). Bonn, 1829. 674 p. (In Greek)
57. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, I, 1199–1345. Densușianu N. (ed.). București, 1887. xxx + 701 p. (In Latin)
58. Iambor P. Atacurile cumano-tătare asupra Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj-Napoca XVII*, 1974, pp. 211–223. (In Romanian)
59. Ibn Batoutah. *Voyages II*. Defrémery C. et Sanguinetti B.R. (eds. et trad.). Paris, 1854. (In French)
60. *Imposicio Officii Gazarie. Monumenta historiae patriae, Leges municipales*. Auguste Taurinorum (= Torino), 1838. xxiv + 1773 p. (In Latin)
61. Iorgulescu V. *Le sud-est européen entre Byzance et Occident aux Xe–XIVe siècles. Le cas des Roumains*. Iași, 2005. 463 p. (In French)
62. Iosipescu S. Bulgarii la Cetatea Albă în anii 1314, 1316. *Români în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin)*. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Țeicu D., Cădea I (eds.). Brăila, 2008, pp. 699–716. (In Romanian)
63. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, 2005. xxiv + 414 p.
64. Jagić V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. *Archiv für slavische Philologie* II, 1877, pp. 1–109. (In German)
65. *Jus Graecoromanorum*, I, *Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum*. Zepos J. et Zepos P. (eds.). Athena, 1931. (In Greek, Latin)
66. Kortantamer / Omar S. *Ägypten und Syrien zwischen 1317 und 1341 in der Chronik des Mufaddal b. Abī l-Fadā'il*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. Freiburg i. Br., 1973. 458 p. (In German)
67. Kovács Sz. Bortz, a Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 58, 2005, 3, pp. 255–266.
68. Laonic Chalcocondil. *Expuneri istorice*. Grecu V. (ed.). București, 1958. 355 p. (In Romanian)
69. Lazarov L. Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj. *Bulgarian Historical Review*. № XXV, 1997, 4, pp. 3–9. (In French)
70. *Monumenta Ecclesiae Strigoniensis*, II, *Ab a. 1273. ad a. 1321*. Knauz F. (ed.). Strigonii, 1882. xlix + 883 p. (In Latin)
71. Moufazzal ibn Abil-Faza'il. *Histoire des sultans mamlouks* III. Blochet E. (ed. et trad.). Graffin R.-Nau F. *Patrologia Orientalis* XX, 1, Paris, 1929, pp. 3–267. (In French)
72. Moule A.C. *Textus duarum epistolarum fr. minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323*. *Archivum franciscanum historicum*. 1923. № XVI, pp. 104–112. (In Latin)
73. Nicolae E. O monedă emisă de Çaka fiul lui Nogaj. *Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476–2001), Chișinău, 13–15 mai 2001*. Nicolae E. (ed.) București, 2002, pp. 139–143. (In Romanian)
74. Nicolae E. Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Şehr al-Cedid). *Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenței României*,

Chişinău, 24–26 septembrie 2002. Nicolae E. (ed.). Bucureşti, 2003, pp. 167–179. (In Romanian)

75. Nicolae E. Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle. *XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid – 2003. Actas – Proceedings – Actes*. Alfaro C., Marcos C. and Otero P. (eds.). Madrid, 2005, pp. 1367–1373. (In French)

76. Nordenskiöld A.E. *Periplus, an Essay on the Early History of Charts and Sailing Direction*. New York, 1897. x + 208 p.

77. Oberländer-Târnoveanu E. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: SăcŃy-Isaccea (XIIIe–XIVe siècles). *Actes du XIe Congrès International de Numismatique / Proceedings of the XIth International Numismatic Congress III, Monnaies byzantines, monnaies médiévales et orientales*. Hackens T., Moucharte G. (eds.). Leuven-la-Neuve, 1993, pp. 291–304. (In French)

78. Oberländer-Târnoveanu E. Începuturile prezenŃei tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă*. Gemil T. (ed.). Bucureşti, 1997, pp. 93–128. (In Romanian)

79. *Okázky obĉanského pisemnictví*. Šafařík P.J. (ed.). Prague, 1870. 130 p. (In Czech)

80. Osman S. PrezenŃa cumană în spaŃiul nord-dunărean. *Moştenirea istorică a tătarilor I*. Gemil T., Pienaru N. (eds.). Bucureşti, 2010, pp. 79–106. (In Romanian)

81. Pachymeres. *Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Paleologis*. I, II. Bekker Im. (ed.). Bonn, 1835. (In Latin, Greek)

82. Papacostea Ş. *România în secolul al XIII-lea între cruciată și Imperiul mongol*. Bucureşti, 1993. 188 p. (In Romanian)

83. Pegolotti, Francesco Balducci. *La pratica della mercatura*. Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. liv + 443 p. (In Italian)

84. Pop I.-A. Noi comentarii asupra Diplomei Cavalerilor IoaniŃi (1247) și a contextului emiterii sale. *România în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei*. Ţeicu D., Căndea I. (eds.). Brăila, 2008, pp. 225–242. (In Romanian)

85. Postică Gh. *CivilizaŃia medievală timpurie din spaŃiul Pruto-Nistrean (secolele V–XIII)*. Bucureşti, 2007. 487 p. (In Romanian)

86. Rashīd al-Dīn. *The Successors of Genghis Khan*. Boyle J. A. (ed. and trans.). New York–London, 1971. xi + 372 p.

87. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols II*. Thackston W.M. (ed. and trans.). Harvard, Cambridge, Mass., 1999.

88. Riccold de Monte Croce. *Pérégrination en Terre Sainte et au Proche Orient. Lettres sur la chute de Saint-Jean d'Acre*. Kappler R. (ed.). Paris, 1997. 271 p. (In French, Latin)

89. Rogerius. *Rogerii Carmen miserabile = Rogerius, Cântecul de jale*. Popa-Lisseanu G. (ed.). Izvoarele istoriei românilor, V. Bucureşti, 1935. 103 p. (In Latin, Romanian)

90. Rogerius. *Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta = Master Roger's Epistle to the sorrowful lament upon the destruction of the kingdom of Hungary by the Tatars*. Bak J.M. and Rady M. (trans. and annot.). *Anonymus and Master Roger*. Budapest–New York, 2010, pp. 132–227.

91. Roman G. ConsecinŃele marii invazii tătare asupra creştinismului românesc, în a doua jumătate a secolului al XIII-lea. *Istorie bisericească, misiune creştină și viaŃă culturală, II, Creştinismul românesc și organizarea bisericească în secolele XIII–XIV. Ştiri și interpretări noi*. GalaŃi, 2010, pp. 236–272. (In Romanian)

92. Rubruck. *Guillelmus de Rubruc, Itinerarium. Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Wyngaert A. van den (ed.). Ad Claras Aquas (Quaracchi-Firenze), 1929, pp. 147–332. (In Latin)

93. SacerdoŃeanu A. *Marea invazie tătară și sud-estul European*. Bucureşti, 1933. 89 p. (In Romanian)

94. Sălăgean T. Transilvania și invazia mongolă din 1285. *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei*. Țeicu D., Câdea I. (eds.). Brăila, 2008, pp. 271–282. (In Romanian)
95. Scorpan C. L'ensemble archéologique féodal de Bîțca Doamnei. *Dacia*, NS, IX, 1965, pp. 441–454. (In French)
96. Simion G. O locuință cu ceramică de factură tătărească descoperită în nordul Dobrogei. *Arheologia Moldovei*. № XXI, 1998, pp. 231–238. (In Romanian)
97. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. București, 1986. 276 p.
98. Spinei V. La genèse des villes du sud-est de la Moldavie et les rapports commerciaux des XIIIe–XIVe siècles. *Balkan Studies*. № 35, 2, 1994, pp. 197–269. (In French)
99. Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens. *Südost-Forschungen*. 2002/2003. № 61/62, pp. 1–47. (In French)
100. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*, II, *Cumans and Mongols*. 2nd ed. Amsterdam, 2006.
101. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden–Boston, 2009. xvii + 545 p.
102. Spinei V. *Mongolii și românii în sinteza de istorie ecleziastică a lui Tholomeus din Lucca = Les Mongols et les Roumains dans la synthèse d'histoire ecclesiastique de Tholomeus de Lucca*. Iași, 2012. 290 p. (In Romanian)
103. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502*. 2nd ed. Wiesbaden, 1965. xviii + 638 p. (In German)
104. Tholomeus von Lucca. *Historia ecclesiastica nova nebst Fortsetzung bis 1329*. Clavuot O. (ed.). Vorarbeiten von L. Schmugge. Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum XXXIX, Hannover, 2009. lxxvii + 784 p. (In Latin)
105. Turcuș Ș. *Sfântul Scaun și românii în secolul al XIII-lea*. București, 2001. 354 p. (In Romanian)
106. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*, I, 1191 bis 1342. Zimmermann F. und Werner C. (eds.) Hermannstadt (= Sibiu), 1892. xxx + 615 p. (In German, Latin)
107. Vásáry I. *Az Arany Horda*. Budapest, 1986. 314 p. (In Hungarian)
108. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005. xvi + 230 p.
109. Villani, Giovanni. *Cronica. Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani*. I. Racheli A. (ed.). Trieste, 1857. 597 p. (In Italian)
110. Villani, Giovanni. *Nuova cronica*, I (*Libri I–VIII*). Porta G. (ed.). Parma, 1990. lxx + 733 p. (In Italian)
111. Waddingus Hibernus L. *Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum* VI (1301–1322). Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam, 1931. xx + 735 p. (In Latin)
112. Zimonyi I. The Mongol campaigns against Eastern Europe. *Medieval Nomads in Eastern Europe*. Spinei V. (ed.). București–Brăila, 2014, pp. 325–352.

About the author: Victor Spinei – Professor Emeritus of the Faculty of History at the A.I. Cuza University of Iași, Senior Research Fellow and Honorary Director of Institute of Archaeology of Iași (6, T. Codrescu Str., Iași 700479, Romania); Member of Romanian Academy, Corresponding Member of Deutsches Archäologisches Institut, Doctor Honoris Causa of the State University of Moldova in Kishinev. E-mail: vspin@uaic.ro

Received August 10, 2016

Accepted for publication November 25, 2016